

opusdei.org

Роман Дэна Брауна «Код да Винчи»: попытка философского анализа

Иван Лупандин, член
Редакционного совета
Российской Католической
Энциклопедии

01.09.2006

Собственно говоря, не так уж
давно в цивилизованных странах
введено всеобщее обязательное

среднее образование. И еще более недавно стали печатать массовыми тиражами книги в мягких обложках, именуемые «бестселлерами». Но о традиции печатания дешевых книг для развлекательного чтения мы, тем не менее, узнаем уже из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Великий русский поэт мечтал о том времени, когда мужик «не Блюхера и не милорда глупого – Белинского и Гоголя с базара понесет». Осмелимся и мы поставить такой риторический вопрос: когда американский читатель не Дэна Брауна и Эрика Сигала – Фолкнера и Сэлинджера понесет из сумермаркета? Однако после Некрасова был Бахтин, а после Бахтина уже нельзя ставить некрасовский вопрос с прежней серьезностью. Ведь Бахтин убедительно доказал, что серьезная культура всегда сопровождается культурой

«смеховой», «карнавальной», развлекательной – и это вытекает из глубинных механизмов самой культуры.

Однако роман Дэна Брауна «Код да Винчи» - это не карнавальная культура. Это, конечно, и не классика. Что же это? Безусловно, эта книга написана так, чтобы увлечь и р а з в л е ч ь читателя, как впрочем и другие бестселлеры, например «История любви» Эрика Сигала. Но, в отличие от творения Сигала, «Код да Винчи» не мелодрама, а скорее детектив, почти триллер, но не простой, а, можно сказать, наукообразный, предъявляющий к современному читателю требования на пределе его среднестатистических возможностей. Здесь и Иисус Христос, и Мария Магдалина, и династия Меровингов, и Леонардо да Винчи. Эрик Сигал обходился

без этих имен, как, впрочем, и Агата Кристи вкупе с Яном Флемингом и Хэрольдом Роббинсом. Не исключаю, что у читателя Дэна Брауна может даже возникнуть искушение заглянуть в словарь или энциклопедию. Так что как культурную инициативу роман «Код да Винчи» можно как будто и приветствовать как «шаг вперед». Но...

Первое, что бросается в глаза – в отличие от, например, Яна Флеминга, в романах которого так же, как и у Дэна Брауна, сталкиваются мощные организационные структуры в смертельном поединке, носящем глобальный характер, нет яркого героя-протагониста, каковым у Флеминга неизменно выступает непотопляемый Джеймс Бонд. Это говорит о новом понимании роли личности в истории: исход борьбы решают не супермены, а

инвестиции. Это современному человеку понятно: ведь современный человек, как правило, не «кустарь-одиночка», а работник той или иной фирмы. А чем фигурирующие в романе Дэна Брауна в качестве коллективных действующих лиц Приорат Сиона или Опус Деи не фирмы? Впрочем, если покопаться в памяти, можно найти бестселлеры, где в качестве супергероя выступает организация – например «Крестный отец» Марио Пузо.

Но в отличие от бестселлера Пузо, где организация-герой, а именно мафия, не имеет идеологии, в романе Дэна Брауна столкнулись организации, имеющие свою идеологию и последовательно проводящие ее в жизнь. Приорат Сиона – «хорошие парни» в романе Брауна – и Опус Деи – «плохие парни» - смотрят на мир сквозь призму определенного

мировоззрения, и задача автора не просто описать конфликт этих двух суперорганизаций, но и дать происходящему некоторую нравственную оценку, или, по крайней мере, подтолкнуть читателя к тому, чтобы он сам «определился, с кем он». В конце концов, в основе сюжета – заказное убийство.

Итак, конфликт каких идеологий описывается в романе «Код да Винчи»? Одна идеология, напрямую связанная с именем Леонардо да Винчи, художника и ученого эпохи Возрождения, - это гуманизм, точнее антропоцентризм. Суть этой идеологии, впервые сформулированной современником Леонардо – итальянским философом-гуманистом Пико дела Мирандолой в трактате «О достоинстве человека»: в мире нет

ничего более ценного, чем человек. Человек в идеологии гуманистов – это прекрасный и совершенный «малый мир» - микрокосм. Не только душа, но и тело человека представляет собой высшую ценность и самое прекрасное из того, что существует в мире. А поскольку от соития мужчины и женщины рождаются в мир новые люди-микрокосмы, то любовь-эрос есть самое великое чувство из испытываемых человеком на земле. Но любовь-эрос возможна лишь к прекрасному телу, поэтому телесная красота как источник всякой жизни представляет собой идеал. Что же касается души, то ее величие, с точки зрения гуманистов, состоит в свободе и стремлении к знанию.

С этой гуманистической идеологией, которую можно со всяким на то основанием назвать

«антропоцентризмом», ибо в центре ее антропос-человек, схватилась в смертельном поединке другая идеология, которую можно назвать «теоцентризмом», ибо в центре всего она ставит Бога, а человека понуждает служить Богу, отрицая в себе все телесное и прежде всего любовь-эрос. Именно такая идеология, сформулированная еще Августином и Фомой Аквинским, в романе Дэна Брауна исповедуется мощной полутайной организацией, именуемой Опус Деи (от лат. Opus Dei = дело Божие). В отличие от придуманного Брауном Приората Сиона, Опус Деи – организация вовсе не вымышленная, а реально существующая, в чем каждый читатель, умеющий пользоваться Интернетом, может легко убедиться, зайдя на сайт www.opusdei.org. Впрочем, и у Яна Флеминга в качестве антигероя

фигурировало КГБ и ГРУ, и у Марио Пузо – сицилийская мафия, так что современного читателя наличие реально существующих организаций в качестве антигероя давно уже не шокирует.

Пик расхождения этих двух идеологий – антропоцентрической и теоцентрической – достигается в трактовке ими Иисуса Христа. Для гуманистов Иисус Христос – это совершенный человек. Леонардо да Винчи на своем знаменитом полотне «Тайная Вечеря» изобразил Иисуса Христа – в духе эпохи Возрождения - красивым мужчиной с идеальным телосложением. Но в Средние века каноническим изображением Иисуса Христа было Распятие – где Иисус Христос изображался обезображенным мучительной агонией, вызванной позорной рабской казнью.

Поэтому не удивительно, что Иисус Христос для Приората Сиона – это человек, которому «не чуждо все человеческое». А раз так, то логика требует, чтобы он совершил самое великое из таинств, доступных человеку на земле – т.е. зачал новую жизнь. Отсюда и бережно хранимое Приоратом Сиона предание о том, что Иисус Христос избежал смерти, бежал с Марией Магдалиной в одну из отдаленных провинций Римской империи и, в конечном счете, явился основателем французской династии Меровингов.

Напротив, для Опус Деи характерно средневековое восприятие Иисуса Христа как Бога и человека, в котором все человеческое подчинено Богу. И вот тут-то и есть Ахиллесова пята творения Дэна Брауна. Выясняется, что он не понимает

внутреннюю логику христиан. В-первых, Дэн Браун пытается дать понять читателю, что члены Опус Деи – это какие-то сектанты внутри Католической церкви. Это в действительности совсем не так. Основатель Опус Деи – святой Хосемария Эскрива де Балагер (1902-1975) – типичный продолжатель традиции испанского мистицизма, и его без всякой натяжки можно поставить в ряд с Домиником Гусманом, Игнатием Лойолой, Терезой Авильской и Иоанном Креста. Во-вторых, никакого противопоставления между гуманизмом и христианским аскетизмом, практикуемым в Опус Деи не существует. Для этого нужно лишь вникнуть в логику христианской догмы о первородном грехе (придуманной вовсе не в стенах офисов Опус Деи). Да и сам христианский аскетизм уходит своими корнями

в традиции египетского и палестинского монашества, возникшего уже в IV веке н.э. В-третьих, любовь к Богу вовсе не отрицает любви к человеку: для этого достаточно прочесть хотя бы один раз Новый Завет.

Кстати о Новом Завете и его, скажем так, «вольной» трактовке в романе Дэна Брауна. Может быть, кому-то было бы выгодно рассматривать гностические евангелия наравне с каноническими, но здесь, по выражению Пушкина, должен вмешаться «строгий историк». И строгий историк известит нас о том, что авторы гностических евангелий, в том числе автор «Евангелия от Филиппа», на которое преимущественно опирается Дэн Браун, не являлись учениками Иисуса Христа, а потому сведения, приводимые в гностических евангелиях о

Христе, не являются надежными. Что же касается канона Нового Завета, то он сложился задолго до восшествия на престол императора Константина. С гностиками вел полемику уже автор четвертого евангелия и ближайший ученик Иисуса Христа – Иоанн Богослов. Церковный историк IV века н.э. Евсевий Кесарийский сообщает в этой связи о любопытном эпизоде. Как-то Иоанн Богослов был в бане со своими учениками, и внезапно сказал им: бежим отсюда, ибо с нами в бане враг истины Керинф (гностик): как бы стены бани не обрушились и мы не погибли вместе с ним. Учеником Иоанна Богослова был Поликарп Смирнский, а учеником Поликарпа был знаменитый богослов II века н.э. Ириней Лионский, написавший пять книг «Против ересей», в которых вел полемику с гностиками.

Сочинения Иринея Лионского дошли до нашего времени. Другое дело, что читать их современному человеку неинтересно – но это уже, как говорил Чехов, «из другой оперы».

Вообще поражает доходящее до идиосинкразии нежелание Дэна Брауна вникнуть во внутреннюю логику христианства, из-за чего его роман изобилует различного рода натяжками. Например, такую аскетическую практику, как самобичевание (практиковавшуюся, кстати, многими великими святыми, например, св. Иоанном Креста) Дэн Браун описывает как своеобразное сексуальное извращение (мазохизм). Члены Опус Деи представлены настолько маловерными, что всерьез испугались легенды о том, что «код да Винчи расшифрован» и кому-то удалось доказать, что

«Христос женился на Марии Магдалине». Наконец, совсем психологически невероятной выглядит попытка угона самолета, осуществляемая католическим епископом – прелатом Опус Деи. Домыслы о том, что Опус Деи «купил» себе у Ватикана статус Персональной прелатуры – это уже вовсе диффамация и за такие вещи подают в суд. Все это, безусловно, снижает ценность книги.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о феномене неожиданной популярности бестселлера Дэна Брауна. Мне кажется, это определенный симптом, характеризующий психологическое состояние западного (прежде всего американского) общества после терактов 11 сентября 2001. Страх перед реальным мусульманским терроризмом порождает

искушение увидеть
потенциальную аль-Кайду в
недрах Католической Церкви
(хотя еще ни один католик – член
Опус Деи или не член – не
совершил ни одного
террористического акта во имя
торжества христианства). Будем
надеяться, что страх перед
терроризмом когда-нибудь
пройдет, а тогда получит более
трезвую оценку и роман «Код да
Винчи», в том числе, надеюсь, и от
самого его автора.

pdf | document generated
automatically from [https://opusdei.org/
ru/article/roman-dena-brauna-kod-da-
vinchi-popytka-filosofskogo-analiza/](https://opusdei.org/ru/article/roman-dena-brauna-kod-da-vinchi-popytka-filosofskogo-analiza/)
(14.03.2026)